

УДК 800/801

ЛОГИКА ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВАЯ ЛОГИКА

Л.М. Салмина

Аннотация

В статье ставится вопрос о необходимости разграничения языковых знаков, аккумулирующих в своих значениях знания о мире и обеспечивающих речемыслительную и коммуникативную деятельность, и языковых единиц – элементов формализованной и унифицированной метасистемы, функционирующих в качестве знаконосителей. Система единиц, подчиняющаяся правилам метаязыковой логики, представлена в соотношении с системой знаков, основанной на когнитивной логике – логике познанной в языке действительности, определяющей человеческие представления о ней.

Утверждение о том, что язык представляет собой систему, уже давно стало аксиомой. Под системой в данном случае принято понимать взаимосвязь элементов, при которой существенные свойства и функциональная нагрузка каждого из них зависят от характера и степени связи с другими элементами. Определения языка как *системы единиц* и *системы знаков* настолько прочно вошли в лингвистический обиход, что стали либо различаться «по умолчанию», либо не различаться вовсе. Об этом, в том числе, свидетельствует терминологический разнобой у теоретиков языкового моделирования: единицы, знаки, средства, элементы, словоформы, компоненты.

Впервые на различие между системой единиц и знаков языка обратил внимание Кратес Малосский: в способности существительных женского рода обозначать лиц мужского пола (как сирота), а существительных множественного числа обозначать нечто единичное (как Афины) он усмотрел некую аномалию, нарушающую логику языковой системы [1, с. 11]. В прошлом веке отечественная грамматика нашла выход из этого противоречия, введя категорию так называемого *общего* рода: «значение, которое может быть соотнесено как с лицом мужского, так и с лицом женского пола. *Сирота, ... Женя, ... Седых, ... протеже*» [2, с. 268]. Однако на самом деле никакого противоречия не существует: соотнесение с конкретным лицом возможно только в речемыслительной деятельности, т. е. в сфере функционирования знаков. Репрезентирующие их единицы не утрачивают и не меняют при этом своих грамматических характеристик, поэтому мы без всякого ущерба для логики языка можем в определенной ситуации назвать «зайцем» лицо и того и другого пола.

Начиная с Аристарха Самофракийского, утверждавшего, что все единицы языка подчиняются правилам, установленным на основе аналогии, вся последующая грамматика расценивала аналогию как основной фактор, определяю-

щий системность языка. Значительный вклад в разработку этой проблематики в 70 – 80-е годы XIX века внесла Лейпцигская школа языкознания и, в особенности, Г. Пауль.

Различные основания системности языковых единиц и знаков предложил в конце XIX века представитель Казанской лингвистической школы Н.В. Крушевский: «Если наши слова своим происхождением обязаны ассоциациям сходства, то своим значением они обязаны ассоциациям смежности» [1, с. 161–162]. Под ассоциациями по сходству, как и младограмматики под аналогией, ученый понимает оформление по внешнему структурному образцу, обеспечивающее постепенное упорядочение системы. Ассоциации по смежности трактуются им отношения между значениями, связанными одними и теми же контекстами употребления (например, *внести* будет связываться ассоциациями по смежности с *деньги, залог, сумма* и т. д.). Психолингвистика второй половины XX в. экспериментально доказала, что именно такие отношения связывают языковые знаки в человеческой памяти.

Теория собственно знаковых связей была создана Ф. де Соссюром, который предложил различать ассоциативные и синтагматические отношения между элементами языка. В сознании носителя языка ассоциативные отношения объединяют слова по общности основ и формантов, значений, акустического образа и т. д., что обуславливает формирование индивидуального лексикона. Синтагматические отношения имеют линейный характер и реализуются в речемыслительной деятельности, при этом каждый данный элемент входит в сочетание с соседними. Такие сочетания Ф. де Соссюр именует синтагмами и относит к ним суффиксально-префиксальные образования, словосочетания, а также сложные предложения. Концепция линейного характера речемыслительной деятельности и нелинейности сознания и языковой памяти также нашла свое экспериментальное подтверждение в современной психолингвистике.

Ф. де Соссюр не пытался соотнести между собой знаки и единицы языка, отметив только, что сведение знаков к словам и морфемам – это всего лишь дань традиции, в то время как «надо научиться сводить каждое явление к его ряду, синтагматическому или ассоциативному, и согласовывать все содержание грамматики с ее двумя естественными осями» [3, с. 136].

Что касается языковых знаков, то, по мнению Ф. де Соссюра, они «не даны нам непосредственно в наблюдении», поскольку формируются во взаимодействии «двух аморфных масс» – мышления и звучания, а следовательно, «надо стараться их уловить, понять и лишь тогда... можно будет разработать все классификации, необходимые лингвистике для приведения в порядок подлежащих ее ведению фактов» [3, с. 110].

Что касается последующей лингвистики, то она, вслед за Ф. де Соссюром, поставила во главу угла не *элементы* системы, а *отношения* между элементами, что естественным и закономерным образом привело к приоритету структуры (как формы) над семантикой (как содержанием) и в своем крайнем проявлении воплотилось в так называемом *асемантическом структурализме*. В этой связи интересно замечание Э. Бенвениста о том, что Ф. де Соссюр никогда не употреблял термина «структура» в каком бы то ни было смысле – самым существенным для него было понятие «системы», при этом тезис о том, что элемен-

ты языка могут быть определены только через их отношения, спровоцировал появление понятия «структура» языковой системы [4, с. 62].

Неопределенность статуса языкового знака имела своим следствием то, что попытки «наведения порядка», предпринятые последователями Ф. де Соссюра, не увенчались значительным успехом, а получивший благодаря исследованиям Пражских лингвистов широкое распространение функциональный подход к изучению языка обусловил в языкознании ту ситуацию, в которой «мы видим, что лингвист занимается, по существу, только речью, которую он молчаливо приравнивает к языку» [4, с. 40].

Действительно, укоренившаяся в лингвистике традиция неразграничения единиц и знаков языка привела к целому ряду существенных противоречий. Так, определение языка как знаковой *системы*, по сути дела, не имеет под собой оснований, поскольку единственным безоговорочно принятым знаком языка считается слово. Хотя Ф. де Соссюр неоднократно предупреждал об опасном заблуждении относиться к языку как к номенклатуре предметов.

Оперирование знаками языка в процессе речемыслительной деятельности подменяется функционированием языковых единиц – особо показательна в этом смысле такая единица языка, как предложение, представляющая собой в грамматиках сплав языкового знака (функция обозначения ситуации), языковой единицы (структурная схема и парадигма) и речевого действия (субъективные смыслы).

Как отмечает Ю.А. Левицкий, «неоднозначность и противоречивость существующих определений предложения объясняются смешением в большинстве определений самых разнообразных категорий: языка и речи, мышления и коммуникации, наименования и сообщения и, наконец, формы и содержания» [5, с. 8].

Наиболее ярко эти противоречия обнаруживают себя в определении предложения, представленном в «Грамматике-80»: «Простое предложение – это такое высказывание, которое образовано по специально предназначенной для этого структурной схеме, обладает грамматическим значением предикативности и своей собственной семантической структурой, обнаруживает эти значения в системе синтаксических форм (в парадигме предложения) и в регулярных реализациях и имеет коммуникативную задачу, в выражении которой всегда принимает участие интонация» [6, с. 89–90].

Следует при этом отметить тот факт, что теоретические сложности и противоречия в определении предложения никоим образом не влияют на практику их функционирования, ибо носитель и пользователь языка, интуитивно или осознанно, ассоциирует предложение с *законченной мыслью*.

Школьное определение, имеющее своим источником античную лингвистику, оказывается наиболее жизнеспособным, и это вряд ли можно назвать случайностью. В свое время А.А. Реформатский назвал это определение *не правильным, но непонятным*, «так как здесь одно неизвестное (предложение) определено через другое неизвестное (законченная мысль)» [7, с. 330]. Однако для античных философов такое определение было самым естественным, ибо законченность мысли понималась как ее оязыковление, обеспечивающее ее *непосредственную действительность*.

В этой связи пристального внимания, на наш взгляд, заслуживает позиция Б.Н. Головина, который рассматривает предложение в контексте коммуникативной функции: «Предложение выражает отдельную мысль, т. е. такую, которая формально отчленена от соседних с ней мыслей и может быть самостоятельно передана за один акт коммуникации» [8, с. 197]. Нетрудно заметить, что Б.Н. Головин дает характеристику предложения с позиций теории знаков, а не единиц языка.

Что касается *слова*, то дифференциальный подход успешно преодолел рамки значения единицы языка, что было обусловлено поворотом к изучению речемыслительной деятельности, оперирующей знаками.

Одним из первых и решительных шагов в этом направлении стало включение в семантическую структуру слова коннотативного макрокомпонента [9, с. 105], а с распространением теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля – прагматического значения [10, с. 20]. Открывшаяся счастливая возможность учета в структуре языкового значения всего «внеязыкового», с одной стороны, имела своим следствием беспредельное расширение значения за счет таких компонентов, как, например, *эмпирический, образный, культурный, идеологический, мировоззренческий* и пр., а с другой – оставила очень мало сомнений в том, что значение слова объемней и шире, чем это представляется в традиционной семасиологии.

Настаивая на необходимости перехода к интегральной концепции значения, И.А. Стернин вводит в научный оборот понятие «коммуникативной модели значения», включающей в себя и такие компоненты, «по которым слова не вступают в структурно значимые оппозиции внутри лексических микросистем, но которые, тем не менее, являются вполне реальными компонентами значения слова и активно проявляют себя в семантике – актуализируются в коммуникативных актах, ложатся в основу семантического развития слова и т. д. ... Коммуникативная модель выступает как более общая модель значения, включающая дифференциальную парадигматическую модель как свою часть, как частный лучай» [11, с. 15–16]. По сути дела, предложенная модель значения представляет собой модель актуального значения языкового знака.

Считаем, что в контексте речемыслительной и коммуникативной деятельности дифференциация языка как системы знаков и как системы единиц представляется не только целесообразной, но и необходимой.

Ср.: «Единица и знак – явления разного характера. Знак необходимо представляет собой единицу, но единица может и не быть знаком» [4, с. 82].

Если система знаков предполагает их связь, опосредованную языковой действительностью, то система единиц основана на их непосредственных взаимоотношениях, которые регулируются метаязыковой логикой.

Ср. у А. Соломоника: «Внедрение в язык грамматики происходит на основе уже имеющегося опыта работы с языком как с системой» [12, с. 158].

Формирование системы языковых единиц и метаязыковой логики, регламентирующей внутрисистемные законы и правила сочетаемости знаков, сопряжено с опытом речемыслительной деятельности и обусловлено стремлением зафиксировать результаты этого опыта в памяти носителей языка как знаний *о языке*.

Обеспечивая функционирование знаков, языковые единицы выступают в качестве своего рода *закононосителей*. Ср. у А. Соломоника: «Когда мы поправляем себя в процессе коммуникации, мы можем изменять форму сообщения, дабы лучше донести его внесистемный смысл... Когда мы замечаем в своей речи грамматическую ошибку и исправляем ее, – это применение логики действий системы» [12, с. 182].

Изучение знаковой природы языка необходимо при освоении навыков речевого и коммуникативного поведения, и помочь в этом может семиотика.

Семиотика понимает знаковую систему как множество знаков, упорядоченное набором синтаксических, семантических и прагматических правил. Изучением этих правил занимаются специальные разделы. Так, *синтактика* изучает правила построения знаков и их комбинаций; *семантика* – правила построения смысла; *прагматика* – условия использования знаков и правила действий получателей знака в так называемых *знаковых ситуациях* – ситуациях, в которых данный знак должен быть воспринят и понят.

Языковые знаки подчиняются тем же правилам, хотя они не являются предметом специального изучения ни в семиотике, ни в лингвистике. Более того, носитель языка, действуя по правилам, догадывается об их существовании только столкнувшись с их нарушением («И в небе осветилась погасшая звезда»; «Ты с ума мне сердце svela»), или с вопросом неносителя языка: «А почему?...» (Можно *приоткрыть* дверь, но нельзя *призакрыть*?! Книга может *стоять* и *лежать*, а тарелка – только *стоять*?!).

По известной теории Н. Хомского, языковая способность представляет собой врожденное знание, присущее идеальному говорящему-слушающему и позволяющее ему продуцировать и распознавать *грамматически правильные* предложения. По мнению П.Ф. Стросона, такое объяснение языковой способности является по крайней мере неполным, поскольку речевая деятельность подчиняется – в том числе – правилам, соотносимым, но не совпадающим с грамматическими, что позволяет носителю языка конструировать, интерпретировать и критически оценивать высказывания даже без специальных грамматических навыков, но с опорой на знание элементов смысла и способов их комбинирования [13, с. 160–161].

Действительно, понятия правильности и осмысленности отнюдь не исчерпываются грамматикой – достаточно вспомнить *Глокую куздру*, которая *штеко будланула бокра* (Л.В. Щерба) или *Бесцветные зеленые идеи*, которые *яростно спят* (Н. Хомский).

Правила оперирования знаками определяются логикой самой системы. В связи с этим обстоятельством возникает закономерный вопрос о характере логики языковой знаковой системы.

Логические изыскания античных ученых, а в особенности, «Универсальная и рациональная грамматика» А. Арно и К. Лансло (1660), известная также как Грамматика Пор-Рояля, сыграли значительную роль в отождествлении так называемой *формальной* и языковой логики.

Такое понимание обусловило, с одной стороны, закономерную интерпретацию мышления как формально – логического процесса, а с другой – не менее закономерные возражения против такой интерпретации.

Как убедительно доказывает Э. Бенвенист на материале логики Аристотеля, формальная логика, безусловно, вторична по отношению к собственно языковой логике, поскольку язык возник гораздо раньше формально-логического мышления [4, с. 104–115].

В естественном языке мы имеем дело с *когнитивной логикой*, которую мы определяем как логику познанной в языке (и благодаря языку) действительности, т. е. знанием об устройстве существующего, свернутым в языковых знаках.

Авторы «Универсальной и рациональной грамматики» были совершенно правы в своем устремлении обнаружить универсальные логические принципы строения языка: если бы в свое время они проанализировали формальную логику с позиций отраженных в ней языковых категорий (а не наоборот), то уже в XVII в. было бы со всей очевидностью доказано, что формальная логика не только вторична по отношению к языковой, но и в полной мере порождена ею.

Так, с точки зрения логики центральным понятием семантики является понятие *истинности*, которое наиболее полно характеризует обоснованность логического вывода. Однако логический критерий истинности/ложности целиком и полностью обоснован соответствием/несоответствием утверждаемого действительности, известной нам благодаря языку, а потому вполне может быть определен как критерий *языковой истинности/ложности*. Ср., например: *Луна светит* и *Собаки мяукают*.

Содержание логического термина *понятие* не аналогично значению слова, но только по той причине, что является аналогом значения слова как знака. Ср.: «Форма мысли, отражающая предметы в их существенных и общих признаках, называется понятием» [14, с. 8]. Конечно же, мы не *мыслим понятиями*, но это определение еще раз доказывает, что языковые значения знаков зафиксированы в нашей памяти и таким образом принимают самое непосредственное участие в процессе мышления.

Идея об организующей функции языка по отношению к мыслительной деятельности человеческого сознания высказывалась в XVIII в. Э.Б. де Кондильяком, И.Г. Гердером, А.Н. Радищевым и послужила отправной точкой знаковой теории Ф. де Соссюра.

Этот тезис находит свою поддержку и у Л. Ельмслева, который вводит понятие смысла как «аморфной массы», существующей в таком качестве и не поддающейся анализу до тех пор, пока не приобретет языковую форму.

Наиболее полное, на наш взгляд, развитие эта идея получила в работах Л.С. Выготского, который, как и Ф. де Соссюр, ограничивает сферу речемыслительной деятельности зоной пересечения мышления и речи объяснил механизм языкового структурирования недискретного мышления [15, с. 103].

Возможность взаимодействия человека с миром обеспечивается соотносительностью внутренней и внешней репрезентаций действительности, т. е. языковой действительности, *существующей* в сознании и *происходящей* вне его.

Роль посредника между двумя репрезентациями берет на себя речемыслительная деятельность.

Происходящее бессознательно фиксируется восприятием как мозаичное и вполне беспорядочное целое и выступает в роли референтного поля речемыслительной деятельности. Целостный характер бессознательного восприятия не

противоречит его осознанной избирательности, что проявляется в фокусировании одних объектов по сравнению с другими и отдельных признаков объекта по сравнению с другими его признаками. Избирательность восприятия обусловлена силой воздействия, которое оказывают на человека те или иные проявления референта.

Преобразуя импульсы внешнего воздействия в *мысли*, мышление обеспечивает таким образом осмысление *происходящего*, идентифицированного как *существующее*, т. е. присваивает ему актуальные значения – *смыслы*.

Актуальность значения определяется отношением субъекта к *происходящему*, а также потребностями его текущей и/или перспективной деятельности.

Сущность речемыслительного процесса, по Л.С. Выготскому, заключается в том, что «мысль стремится соединить что-то с чем-то», «установить отношения между чем-то и чем-то» [15, с. 306].

Такая трактовка дает все основания для того, чтобы определить условную единицу мышления – *мысль* – как бинарную структуру, реализующую свойство двойного означивания, актуализируя *понимание*, по Э. Бенвенисту, *происходящего* через *узнавание* в нем *существующего*.

Инвариантную формулу содержания *мысли* можно записать как *О Чем* через *Что*, в которой *О Чем* – референт в *происходящем* как предмет мысли, а *Что* – предиктируемое ему значение, известное в *существующем*, как мыслимое об этом предмете.

Определяя характер мышления как «абсолютно» и «чисто» предикативный, Л.С. Выготский указывает на то, что в недискретном мыслительном процессе предмет мысли и то, что о нем мыслится в данный момент, представлены в одной форме, являющейся при этом предикатом.

На наш взгляд, в данном случае можно говорить скорее о *предикатеме* (термин В.Б. Апухтина), совмещающей оба элемента в одной форме так же, как первобытный знак совмещал в себе номинативную и коммуникативную функции.

Непроизвольность формирования нерасчлененных мыслей подтверждается и экспериментальными данными об особенностях работы левого и правого полушарий головного мозга (см., например, работы А.А. Леонтьева, Л.В. Сахарного, А. Соломоника и др.) и может быть объяснена, в том числе, топообразующей (номиноцентрической – у Л.В. Сахарного) функцией правого полушария. Зафиксированное мышление показалось бы отрывочным, бессвязным и непонятным, поскольку предназначается человеком для самого себя.

В отличие от *мысли*, *высказывание* во внешней речи может иметь как нерасчлененную, так и расчлененную – бинарную – форму, которой в формальной логике соответствует категория *суждения*. Ср.: «Суждение есть мысль, в которой при ее высказывании нечто утверждается или отрицается и которая объективно является либо истинной, либо ложной» [14, с. 24]. Суждение, как известно, состоит из двух терминов, обозначаемых как *S* (субъект) и *P* (предикат), что полностью соответствует содержательной структуре мысли: *О Чем* и *Что*. Так называемая *связка* между терминами служит обозначением факта предикации.

В математической логике используется формула $Y = f(X)$, в которой Y представляет собой функцию для аргумента X , которая, с одной стороны, является «перезаписью» формулы суждения [$P = f(S)$ и, соответственно, *Что = f(О Чем)*], а с другой – оказывается предпочтительнее, поскольку подразумевает как расчлененные, так и нерасчлененные формы высказываний во внешней речи. Примечательно, что обозначаемое формулой $Y = f(X)$ в символической логике именуется *пропозицией*, т. е. высказыванием.

Таким образом, вряд ли может вызвать сомнения тот факт, что формальная логика, пытаясь установить общие закономерности мышления, на самом деле классифицировала формы речемыслительной деятельности. Что касается математической (символической) логики, то, начиная с Г. Лейбница, она занималась поисками оптимального и универсального способа формализации естественного языка, не более и не менее.

Благодаря математической логике стало очевидным то обстоятельство, что язык как знаковая система служит обязательной предпосылкой мышления даже в том случае, если оно осуществляется вне языка.

Заложенная в языке когнитивная логика, определяющая наше понимание действительности и одновременно диктующая правила оперирования языковыми знаками, естественным образом усваивается в процессе овладения данным языком, т. е. в значительной мере бессознательно.

По всей вероятности, именно языковое бессознательное подразумевается структуралистами под *врожденным знанием языка* (Н. Хомский), *интуитивными комплексами* (Дж. Лайонз), *устойчивыми интуициями* носителя языка (Д. Гриндер, Р. Бэндлер).

Языковой логике подчиняется и коммуникативная деятельность человека, которая осуществляется как интерпретирующее (означивающее) моделирование *происходящего* языковыми и неязыковыми знаковыми средствами.

Summary

L.M. Salmina. Logic of language units and signs.

The paper presents necessity of making difference between units of language and signs of language.

Natural language as a semiotic system accumulates the universal knowledge of the world and therefore the logic of this system can be qualified cognitive. The meanings of language signs supply human mentality, speech and communication as the elements of the concept model. So the logic of human vital activity is the logic of natural language. Units of language are the elements of the unified hierarchical metasystem under the rules of metalogic. Their role in communication can be described as the form of language signs.

Discerning units and signs aids to avoid contradictions in language function researches.

Литература

1. *Березин Ф.М.* История лингвистических учений. – М.: Высш. шк., 1975. – 304 с.
2. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
3. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
4. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.

5. *Левицкий Ю.А.* Предложение и высказывание. – Пермь: Изд-во Пермск. пед. ин-та, 1988. – 72 с.
6. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т. II. – 709 с.
7. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 536 с.
8. *Головин Б.Н.* Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1973. – 320 с.
9. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1973. – 303 с.
10. *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
11. *Стернин И.А.* Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. – 171 с.
12. *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
13. *Стросон П.* Грамматика и философия // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. – Вып. 18. – С. 160–173.
14. *Бойко А.П.* Логика. – М.: Новая шк., 1994. – 80 с.
15. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996. – 415 с.

Поступила в редакцию
01.02.06

Салмина Лидия Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.